

III. СТАТЬИ

А. В. Ганин

Военный руководитель Северо-Кавказского военного округа А.Е. Снесарев и военные специалисты Красной армии в 1918 г.: по материалам личного архива белого агента А.Л. Носовича*

Биография выдающегося отечественного военного деятеля генерал-лейтенанта Андрея Евгеньевича Снесарева, несмотря на обилие публикаций, таит в себе еще немало вопросов, требующих дальнейшего изучения. Это же касается и тематики истории Гражданской войны в России в целом. Одним из самых сложных для исследователей периодов биографии Снесарева является царицынский, относящийся к весне – лету 1918 г. В этот период Снесарев по должности военного руководителя Северо-Кавказского военного округа, которую он занимал с 4 мая по 19 июля 1918 г., руководил обороной Юга Советской России от казачьих частей Донской армии, центром которой был Царицын.

Красная армия тогда находилась в стадии своего зарождения, в подчинении Снесарева состояли разношерстные и не всегда дисциплинированные формирования. Требовалось, по сути, с нуля создать округ на принципах правильной военной организации и централизации, организовать штабы, управления, реорганизовать имевшиеся добровольческие отряды в регулярные части, начать формировать новые части для отражения белых. Именно Снесареву принадлежала разработка плана обороны Царицына¹, причем белые в 1918 г. город так и не смогли захватить.

Сложность этого периода жизни и деятельности Снесарева как для него самого, так и для исследователей, заключалась и заключается, прежде всего, в

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 17-81-01022-ОГН «История Гражданской войны в России 1917–1922 гг. в документах офицеров русской армии». Выражаю глубокую благодарность А.А. Комиссаровой (Снесаревой) и А.А. Снесареву за предоставленные материалы семейного архива и высказанные замечания. Все даты после февраля 1918 г. приведены по новому стилю.

¹ Анфертьев А.И. «Для пользы дела мне необходимы военные полномочия»: к вопросу о взаимоотношениях И.В. Сталина, К.Е. Ворошилова и А.Е. Снесарева в 1918 г. // Новейшая история России (Санкт-Петербург). 2011. № 2. С. 52.

двух моментах. Во-первых, в том, что 31 мая 1918 г. в Царицын был направлен член СНК, народный комиссар по делам национальностей И.В. Сталин в качестве общего руководителя продовольственного дела на Юге России, наделенный чрезвычайными полномочиями. Разумеется, Сталин не ограничился вопросами продовольствия, а взял в свои руки все вопросы обороны Юга, в связи с чем не могло не возникнуть конфронтации со Снесаревым и другими военными. Кроме того, как известно, все сюжеты, связанные с участием Сталина в Гражданской войне, подвергались фальсификации, в связи с чем разобратся в них бывает непросто.

Вторая сложность обусловлена тем, что сам Снесарев оказался в Царицыне меж двух огней. В штабе его боевым товарищем по Первой мировой войне бывшим генералом Анатолием Леонидовичем Носовичем была создана подпольная антибольшевистская организация², о которой, судя по всему, Снесарев догадывался. Как порядочный человек и офицер Снесарев не мог выдать Носовича или даже доложить о своих подозрениях. При этом Носович подрывал то дело, которым занимался Снесарев. Более того, это могло грозить самыми печальными последствиями самому Снесареву, поскольку на него могла пасть тень подозрения в измене.

Сам Снесарев, насколько можно судить, тогда не был до конца уверен в правильности своего выбора в пользу большевиков. 7 мая, получив распоряжение ехать в Царицын, он записал в дневнике: «На душе неважно, втюхался в историю, несомненно... хорошие решения приходят при хорошей обстанов-

² Подробнее см.: Ганин А.В. «Комиссар, вы арестованы. Шофер, полный ход вперед, в Козловку, прямо к казакам!» История дезертирства помощника командующего советским Южным фронтом А.Л. Носовича из Красной армии // Клио (Санкт-Петербург). 2017. № 1 (121). С. 165–175; Он же. Анатолий Носович: «Я мог сдать Царицын белым...» Противостояние белых подпольщиков и И.В. Сталина в штабе Северо-Кавказского военного округа // Родина. 2017. № 7. С. 118–121; Он же. Бывший генерал А.Л. Носович и белое подполье в Красной армии в 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 2 (9). С. 6–34; Он же. Арест и освобождение сотрудников штаба Северо-Кавказского военного округа в августе 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 3 (10). С. 32–51; Он же. И.В. Сталин в мемуарах белого агента в Красной армии генерала А.Л. Носовича // Политическая история России: Прошлое и современность. Исторические чтения. Вып. XV. «Гороховая, 2». СПб., 2017. С. 190–199; Он же. Воспоминания генерала А.Л. Носовича о работе белого подполья в 1918 году // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные органы безопасности: история и современность. М., 2017. С. 89–98; Он же. Воспоминания белого агента в Красной армии генерала А.Л. Носовича: характеристика и проблема верификации источника // Отечественные архивы. 2018. № 1. С. 67–77.

ке, а у меня что-то в машине "сошло с шурупов"»³. Похожие размышления в дневниковой записи от 22 мая, перед отъездом в Царицын: «Прошел домой и стал поджидать Носовича. Тоска страшная, так и сосет. Правильно ли я делаю, на верный ли я стал путь? Я полон сомнений и хожу из угла в угол; мысли нервны и кружатся бестолковым ходом. Ехать не хочется»⁴. Крестным дедом Снесарева в 1917 г., пусть и заочно, был генерал Л.Г. Корнилов — будущий лидер Белого движения⁵. Высказывал сомнения в готовности Снесарева вести войну с белыми и И.В. Сталин⁶. Уже после службы в Царицыне Снесарев постарался уклониться от активного участия в Гражданской войне, оказавшись начальником Западного района обороны и командующим Западной (позднее — Литовско-Белорусской) армией, что позволило ему действовать против внешнего (немцев и поляков), а не внутреннего врага. Позднее Снесарев возглавил Академию Генерального штаба РККА, перейдя, таким образом, на тыловую работу.

В отношении царицынских событий сохранилось немного документов. Если же речь идет о подпольной работе, то такие свидетельства и вовсе единичны. И здесь одной из основных задач исследователей остается поиск и выявление новых свидетельств. Автору этих строк посчастливилось найти такие материалы по царицынскому периоду.

В Библиотеке современной международной документации в парижском пригороде Нантер удалось обнаружить и исследовать уникальный личный архив генерала А.Л. Носовича. В архиве офицера оказались несколько редакций его воспоминаний, имеющих большое значение для изучения истории Гражданской войны и в том числе для изучения биографии Снесарева, а также для исследования командного состава Красной армии. Фактически в нашем распоряжении есть несколько вариантов свидетельств Носовича о событиях под Царицыным. Это краткая рукописная редакция его неопубликованных воспоминаний «Шесть месяцев среди врагов» и развернутая машинописная редакция под названием «Шесть месяцев среди врагов России», хра-

³ Снесарев А.Е. Москва – Царицын. Из дневника 1918 года (май) // Московский журнал. 1996. № 2. С. 54.

⁴ Снесарев А.Е. Москва – Царицын. Из дневника 1918 года (май) // Московский журнал. 1996. № 3. С. 44.

⁵ Подробнее см.: Ганин А.В. Командарм Андрей Снесарев: ария восточного гостя // Родина. 2016. № 1. С. 39.

⁶ Сталин в Царицыне. Сталинград, 1940. С. 28–29.

нящиеся во Франции, статьи в журнале «Донская волна»⁷, которые он публиковал на эту тему в 1919 г. под псевдонимом А. Черноморцев и краткий доклад Носовича о подрывной деятельности, хранящийся в нескольких копиях в Российском государственном архиве социально-политической истории⁸.

Разумеется, любые воспоминания — источник чрезвычайно субъективный. Поскольку Носович был белым агентом, его оценки советской действительности и характеристики командного состава страдают чрезмерным негативизмом. Тем не менее, в ряде случаев именно в таких документах содержатся абсолютно уникальные свидетельства. По служебной необходимости Носович соприкасался со многими бывшими офицерами, так же, как и он, оказавшимися на службе в Красной армии, поэтому на страницах его мемуаров перед нами предстает целая портретная галерея военных специалистов. Портретные зарисовки и характеристики порой довольно подробны и представляют большой интерес. При содействии внучки А.Е. Снесарева А.А. Комиссаровой по материалам архива семьи Снесаревых удалось проверить некоторые его свидетельства в отношении обстоятельств семейной истории. Проверка показала, что, несмотря на сильную эмоциональную окрашенность мемуаров и неточности в некоторых деталях, вполне естественные в силу особенностей памяти, свидетельства Носовича даже по частным вопросам имеют под собой почву и представляют интерес.

Несколько штрихов к портрету мемуариста. Родился А.Л. Носович в 1878 г. в семье потомственных дворян Санкт-Петербургской губернии. Окончил Псковский кадетский корпус (1897), Николаевское кавалерийское училище по 1-му разряду (1899), Императорскую Николаевскую военную академию по 1-му разряду и дополнительный курс «успешно» (1910). Служил в Лейб-гвардии Уланском Его Величества полку — элитной гвардейской кавалерийской части. Блестяще окончив академию, Носович был причислен к Генштабу⁹. Однако карьере генштабиста предпочел строевую службу в родном полку. Еще в мирное время прославился как спортсмен — увлекался конным спор-

⁷ Их републикацию д.и.н. А.В. Венковым см.: Носович А.Л. (А. Черноморцев). Красный Царицын. Взгляд изнутри. Записки белого разведчика. М., 2010. К сожалению, при публикации не были указаны ссылки на исходные статьи, пропущены статьи о Р.Ф. Сиверсе, Н.И. Подвойском и П.П. Сытине, а также допущены некоторые неточности.

⁸ Публикацию доклада см.: «Вредить большевизму всеми возможными способами». Белый агент в Красной армии // Источник. 1999. № 5. С. 61–67. К сожалению, в публикации были допущены многочисленные неточности по сравнению с исходным документом.

⁹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 28573. П/с 326-239 (1910 г.). Л. 148об.

том, фехтованием, плаванием, катался на коньках. Не чужд был светских увлечений — танцев, музыки, даже играл на губной гармошке¹⁰. Участвовал в Первой мировой войне, проявив себя как храбрый и толковый офицер и командир. На фронте командовал 466-м пехотным Малмыжским полком. Награжден Георгиевским оружием и орденом Св. Георгия 4-й ст.

В начале 1918 г. А.Л. Носович оказался в Киеве, где наблюдал оккупацию города немцами. Киевские впечатления оказали на него сильное влияние. В Киеве генерал А.М. Драгомиров, утративший связь с Доном и Кавказом, одобрил решение Носовича пробраться в Москву и оттуда установить связь с Добровольческой армией. Поездка не обошлась без приключений и даже ареста в Лебедине и Харькове.

В Москве Носович появился 9 апреля 1918 г. Здесь он встретился со своим прежним сослуживцем, а ныне — военным руководителем Высшего военного совета (ВВС) бывшим генералом М.Д. Бонч-Бруевичем, телеграмме которого был обязан освобождением из-под ареста. Встреча запомнилась и последнему, хотя в воспоминаниях хитрый и осторожный Бонч-Бруевич искажил время и обстоятельства измены Носовича, перенеся ее на весну 1918 г.: «Вскоре после появления [Н.Н.] Стогова ко мне в вагон пришел некий Носович, бывший полковник лейб-гвардии Уланского полка, стоявшего в свое время в Варшаве. Я знал его еще молодым офицером — Носович был слушателем академии, когда я в ней преподавал.

В памяти сохранилось не очень благоприятное впечатление — он всегда был склонен к авантюрам. И все-таки я обрадовался неожиданному гостю: радовал в это время приход любого из сослуживцев по старой армии.

Оказалось, что Носович был командирован в Москву штабом Юго-Восточного участка «завесы» за получением некоторых сведений. Предъявленные им документы были в полном порядке, и я со спокойной совестью направил его в штаб ВВС, где Носович и получил нужные ему разъяснения.

Дня через три после его отъезда я получил из Царицына телеграмму о том, что Носович перелетел на самолете к белым и остался у них вместе с летчиком¹¹.

¹⁰ Лейб-гвардии Конная артиллерия в боях и операциях Великой войны. 1914–1917. Материалы для истории. / Сост. Ф.А. Гушин, И.В. Домнин, Н.Д. Егоров. М., 2016. С. 300.

¹¹ В действительности Носович с адъютантом, угрожая оружием, угнал автомобиль с двумя шоферами и комиссаром.

Справки, которые Носович получил в штабе ВВС, не представляли для белых никакой ценности. Возможно, что перебежчик раздобыл кое-какие секретные материалы у себя в штабе Юго-Восточного участка. И все-таки, насколько мне известно, Носович разделил невеселую судьбу Стогова. Обоих их белые встретили совсем не с распростертыми объятиями и, разжаловав, долго держали под арестом»¹².

Происходили встречи и с бывшим генералом Н.А. Сулейманом, а также с другими бывшими офицерами, уже состоявшими на советской службе. «Как ни странно, в сущности, все они ненавидели немцев до глубины души, но ни у кого из них не хватало мужества вновь рука об руку с союзниками выступить против немцев... Продавшиеся немцам, они чувствовали, что только анархия их помощница и союзница, и проявление какого бы то ни было порядка — есть их погибель. На мои настойчивые разговоры по этому вопросу ген. Бонч-Бруевич ответил, что нашим союзникам не нужна могучая великая Россия»¹³, — отмечал Носович. Разумеется, белый разведчик заблуждался в этих оценках поведения военспецов, которые отнюдь не считали себя продавшимися немцам.

В статье «Бывшие офицеры» Носович одним из первых выделил причины поступления офицеров в Красную армию. Он разделял военспецов на шесть категорий. «Первая — наиболее развитая и с наибольшим процентом офицеров Генерального штаба, добровольно пошедшие на службу в советские войска в марте, апреле и мае 1918 г. Большинство из них шло во имя идеи: "сопротивление германцам во что бы то ни стало". Эти офицеры шли в армию на вольнонаемных условиях. Многие из них ставили непременно условием отправление на фронт против наступавших немцев и неупотребление частей, в коих они служат, в гражданской войне.

Таковые условия "совдепцами" принимались, но уже в конце мая все офицеры, ставившие таковые условия, были взяты на учет и посланы на различные внутренние фронты. Многие из числа этой группы поплатились своей головой за свое доверие к большевикам и за свою слепую любовь к родине. Они шли тогда в красную армию на муку и унижение. Эти мученики за идею шли

¹² Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. Воспоминания. М., 1957. С. 288.

¹³ Библиотека современной международной документации (Нантер, Франция). Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine (BDIC). F. Nossovitch. F Δ rés 843. Box 1. (1) (2) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов. С. 4–5.

командовать туда, где их поносили, избивали и издевались над ними. В конце же концов они были поставлены перед необходимостью идти против тех, на кого не поднималась у них их рука»¹⁴. Многие офицеры из этой категории бежали на белый Юг.

Ко второй категории Носович относил «офицеров более слабых, как в нравственном, так, вероятно, и в умственном отношении. Это люди, принужденные к таковой службе голодом, нищетой и прочими условиями советской жизни. Но в некоторое их оправдание надо сказать, что все они были оставлены без всякой нравственной поддержки извне. Это та середина, для которой необходим не только временный пример, но и постоянное наблюдение»¹⁵. К этой группе принадлежали и семейные офицеры. В третью группу были включены те, кто пошел в Красную армию для ведения подпольной антибольшевистской работы. К четвертой группе относились офицеры, выжидавшие, чья возьмет. Пятая группа состояла из идейных большевиков, а шестая — из намеренно изменивших долгу карьеристов и приспособленцев. При этом, как справедливо отмечал автор этой классификации, существовало множество переходных типов.

Носович вступил в Красную армию и в конце мая прибыл в Царицын, где занял должность начальника штаба Северо-Кавказского военного округа (формально в должности с 4 мая 1918 г.) при военном руководителе А.Е. Снесареве. Назначение произошло в силу их прежнего знакомства и дружеских отношений¹⁶. После отъезда Снесарева из Царицына занимал должность вр. и. д. военного руководителя округа. Был арестован по подозрению в контрреволюционных действиях (10–13 августа 1918 г.), однако вскоре освобожден и на сентябрь 1918 г. числился в штабе военного руководителя Южного участка завесы. Затем стал помощником командующего Южным фронтом П.П. Сытина и начальником оперативного управления штаба Южного фронта. 24 октября 1918 г. перешел к донским казакам, захватив секретные документы. Предупредил казаков о подготовке советского наступления. В дальнейшем состоял на службе в Добровольческой армии, Вооруженных

¹⁴ Черноморцев А. Бывшие офицеры // Донская волна (Ростов-на-Дону). 1919. № 17 (45). 21.04. С. 10.

¹⁵ Там же.

¹⁶ 8 мая 1918 г. Снесарев записал в дневнике: «Сегодня нашел Носовича и после некоторых раздумий уговорил его. Он берется за работу...» (Снесарев А.Е. Москва – Царицын. Из дневника 1918 года (май) // Московский журнал. 1996. № 2. С. 55).

силах на Юге России (ВСЮР), Русской армии. Первоначально находился в резерве чинов при штабе главнокомандующего Добровольческой армией и ВСЮР, в ноябре 1918 г. был судим гарнизонным военно-полевым судом в Новочеркасске за службу в РККА и оправдан. В 1919 г. служил комендантом гарнизона Новороссийска, в 1920 г. — начальником тылового района Русской армии по борьбе с партизанским движением. В эмиграции поселился в Ницце (Франция). Занимался автомобильным делом. Вел переписку с бывшими сослуживцами, в частности, с небезызвестным бароном К.Г. Маннергеймом. Умер в Ницце в январе 1968 г.

На страницах своего дневника Снесарев оставил яркие и объективные характеристики Носовича. Например, 4 февраля 1917 г. он записал: «Встречает меня полк[овник] Носович, мой ученик (вертун и спортсмен), он идет без шапки (у него-де такой обычай) и говорит без умолку. Он все знает и все может, он здоров, жив и тренирован»¹⁷. 12 февраля: «Носович (Анат[олий] Леонид[ович]) не дает мне говорить ни с бат[альонными], ни с ротн[ыми] ком[андира]ми; он весь в деле, все знает и на все дает ответы. У него много живости, энергии и пробы, его приемы (полное нестреляние, отход перед партиями непр[иятельских] разведчиков и затем охват их в клещи, обучение всех пулемет[ному] делу, система распределения рот — обязательно взвод в кулаке ротного командира...) заслуживают полного внимания, а многие — и подражания... Его лестница, набрасываемая на проволоч[ное] заграждение, как подспорье очень занимательна. Вообще Нос[ович] — человек живой и пытливый, молодой и хорошо подготовленный — прекрасное боевое явление (при его несомненном мужестве) на нашем довольно сером начальническом фоне...»¹⁸ Итак, это деятельный, решительный и мужественный офицер, с живым умом и несомненной склонностью к приключениям. Из писем Снесарева супруге за весну 1917 г. следует, что через Носовича они обменивались корреспонденцией, Снесарев даже в переписке назвал Носовича своим учеником по академии¹⁹.

А.Е. Снесарев является одной из центральных фигур в воспоминаниях Носовича. Связано это с тем, что они вместе служили еще в Первую мировую войну и тесно сотрудничали в Царицыне. Носович вспоминал: «Я намеренно не упоминал о бывшем генерале Андрее Евгеньевиче Снесареве — моем

¹⁷ Снесарев А.Е. Дневник: 1916–1917. М., 2014. С. 299.

¹⁸ Там же. С. 312–313.

¹⁹ Снесарев А.Е. Письма с фронта: 1914–1917. М., 2012. С. 586–587, 590, 599, 603.

начальнике. Во-первых, потому что все формирование личного состава было возложено им на меня, как на начальника штаба; во-вторых, потому что из двух с половиной месячной работы в Царицыне свыше месяца я был его заместителем; и, в-третьих, что самое главное, благодаря многим обстоятельствам, важнейшим из коих было то, что генер[ал] Снесарев сам родом донской казак²⁰, он предоставил мне полную самостоятельность во всех вопросах. Надо сказать к чести генер[ала] Снесарева, угадывая во мне контрреволюционера, но, не зная о моей уполномоченности, генерал Снесарев совершенно не входил в мои дела»²¹. Формирование всего штаба Носовичем представляется преувеличением, поскольку активное участие в этом принимал и сам Снесарев²².

В расширенной редакции воспоминаний Носович отмечал, что «формирование штаба было делом немногих дней. Ехала лишь необходимая голова, которую было предоставлено формировать лично мне, как начальнику штаба. Само собой понятно, что кроме военного главного руководителя, моего начальника, назначенного Бонч-Бруевичем, Генерального штаба генерала Снесарева, все остальные принадлежали к московской организации Добровольческой армии»²³.

Носович разместился в Царицыне вместе со Снесаревым: «Для личного помещения, Снесареву и мне с женой был отведен весь верх особняка, принадлежащего богатому царицынскому купцу. Владельцу было приказано перейти вниз, где были расположены все его службы. Верх состоял из пяти комнат: спальни владельцев, громадной гостиной, кабинета, большой столовой, приемной, ванной и застекленной галереи. Дом был расположен на набережной Волги, на которую открывался чудный вид. Мы упросили хозяев не

²⁰ Это неверно. Снесарев был уроженцем Воронежской губернии, происходил из семьи священника.

²¹ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (2) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов. С. 6.

²² Из письма Снесарева супруге от 15 мая 1918 г.: «Я тебе уже писал, чем я занят; офицерами Ген. штаба у меня будут (кроме Носовича) – Серебренников (Ив. Конст., который был в Туркестане... на 4 года службы старше меня), Ковалевский (муж Мули... она с 4 детьми в Валуях), Петров, Акутин (найден и послана ему телеграмма), Шишковский и многие другие. Выедем в Царицын, где будем иметь временное пребывание (после в Ставрополь – постоянную резиденцию). В моем распоряжении будет находиться постоянный поезд для служебных поездок... Сейчас у меня целое собрание – Носов[ич], интендант, один из секретарей – и мы приступаем к работе» (Архив семьи Снесаревых).

²³ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (7) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 1. Гл. 7. С. 52.

покидать их спальни и ванной, откуда имелся спуск в нижний этаж, а сами расположились так, что гостиная была для общих приемов и разговоров»²⁴.

По свидетельству Носовича, Снесарев активно взялся за дело, однако белый разведчик считал его человеком мягким, мечтательным, склонным к идеализму и воспринимавшим большевиков как идеалистов, которых можно переубедить в их заблуждениях. Эти черты, по свидетельству Носовича, с одной стороны, способствовали успехам белых подпольщиков, а, с другой, не позволили вовлечь в организацию самого Снесарева. Носович писал: «Первоначально он (Снесарев. — А. Г.) взялся за работу с большим рвением. Но будучи человеком весьма мягкого характера с мечтательным оттенком, он был к тому же очень нерешительным и совершенно не годился в начальники, да еще по тогдашним жестоким временам. Во времена Царицына он принимал большевиков за истинных овец, желающих, но не умеющих провести их идеальные взгляды в жизнь. И он в разговорах со мной вслух мечтал их переродить при помощи его красноречия. Мне и [А.Н.] Ковалевскому неоднократно приходилось выслушивать от него заявления: "Вот вчера было заседание. И я им... говорил, говорил, говорил... Вы понимаете, что они совершенно согласились со мной... И вот вы увидите, что теперь все будет по-новому..."»²⁵

Носович также вспоминал и об участии Снесарева в попытке спасти от уничтожения Черноморский флот: «В ночь с 6 на 7 июня через Царицын проехал адмирал [М.П.] Саблин. В разговоре с ним Снесарева и моем адмирал умолял употребить все силы для спасения флота от немцев. Наиболее опасными направлениями были от Анапы и Темрюка. Нападения с моря адмирал не боялся — наш флот был все же сильнее всего турко-немецко-русского, захваченного в Севастополе. 12-го числа (Снесарев уехал в полуотпуск — полугомандровку) начались мои переговоры с вр[еменно] командующим Черном[орским] фл[отом] адмиралом»²⁶.

Носович почему-то постоянно именовал Снесарева донским казаком, хотя Снесарев был сыном священника соседней с Донской областью Воронежской губернии. Упомянул Носович, хотя и с неточностями, о гибели мужа сестры

²⁴ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (7) (2). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 2. Гл. 1. С. 54.

²⁵ Там же. С. 64.

²⁶ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (2) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов. С. 7.

Снесарева Лидии священника П.А. Вилкова, который был расстрелян вместе с двумя сыновьями, казачьими офицерами 15 июля 1918 г., в разгар царицынской эпопеи²⁷. Последовавший отъезд Снесарева из Царицына Носович связывал с этим событием, которое, безусловно, могло оказать влияние на решение Снесарева уйти в отпуск и заняться семейными делами. При этом, очевидно, определяющую роль в отстранении Снесарева сыграли действия И.В. Сталина.

По оценке Носовича, «штаб, конечно, державший нашу сторону, работал исключительно по казенному образцу: от известного часа до известного»²⁸. Недостаточная активность военрука и штаба в борьбе с контрреволюцией подтверждается в телеграммах Сталина Ленину и Троцкому от 11 июля и Ленину от 16 июля 1918 г.²⁹ В результате давления Сталина Снесарев 19 июля был вызван в Москву для доклада Высшему военному совету, а де факто отозван из округа³⁰. После отъезда Снесарева Носович стал, как он писал, «пол-

²⁷ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (7) (2). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 2. Гл. 1. С. 58, 64.

²⁸ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (2) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов. С. 14.

²⁹ Ср. с оценками И.В. Сталина в телеграмме В.И. Ленину и Л.Д. Троцкому от 11 июля 1918 г.: «Дело осложняется тем, что штаб Севкаокра оказался совершенно непригодным к условиям борьбы с контрреволюцией. Дело не только в том, что наши “специалисты” психологически неспособны к решительной войне с контр[револю]цией, но также в том, что они как “штабные” работники, умеющие лишь “чертить чертежи” и давать планы переформировки, абсолютно равнодушны к оперативным действиям, к делу снабжения, к контролю разным командармов и, вообще, чувствуют себя как посторонние люди, гости... Такой вялый военрук, как Снесарев, тут не пригодится...» (Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927. Сб. док. М., 1996. С. 42–43) и в телеграмме Ленину от 16 июля 1918 г. с просьбой «убрать Снесарева, который не в силах, не может, не способен или не хочет вести войну с контрреволюцией, со своими земляками-казаками. Может быть он и хорош в войне с немцами, но в войне с контрреволюцией он – серьезный тормоз» (Сталин в Царицыне. Сталинград, 1940. С. 29). Стремление Снесарева воевать с немцами, а не с соотечественниками, известно и по его собственным свидетельствам. Так, 14 мая 1918 г. он записал в дневнике: «Сегодня получил директиву, которая меня окрыляет – задача чисто боевая и притом с немцами... могу на “контрреволюционеров” махнуть рукой...» (Снесарев А.Е. Москва – Царицын. Из дневника 1918 года (май) // Московский журнал. 1996. № 3. С. 43).

³⁰ Шапошник В.Н. Северо-Кавказский военный округ в 1918 году. Ростов-на-Дону, 1980. С. 159–160. Ни Носович, ни автор фундаментального монографического исследования о Северо-Кавказском военном округе в 1918 г. В.Н. Шапошник не упоминают об аресте военного руководителя Северо-Кавказского военного округа А.Е. Снесарева, не удалось обнаружить упоминаний об этом и в материалах архива семьи Снесаревых. На сегодня известно лишь единственное документальное свидетельство на этот счет в позднейшей теле-

новластным вершителем судьбы Царицына, оставаясь де юре подчиненным моим комиссарам Зедину и Селиванову. За этот период я мог сдать Царицын белым силам в каждый данный момент. Но повторяю... Об добровольцах не было ни слуху, ни духу. А донское командование делало все, чтобы не взять этот необходимый узел путей и связи с силами, наступающими из Сибири»³¹.

По свидетельству Носовича, связь с московским центром белый агент поддерживал, в том числе при помощи Снесарева, об этом не подозревавшего. В частности, Носович отмечал, что «все сношения велись адъютантами, главным образом, поруч[иком] Кремковым, отчасти пор[учиком] Садковским, который в это время был в командировке с генералом Снесаревым, сопровождая его в Москву»³². Насколько можно судить, Снесарев уехал в Москву, а в августе – начале сентября находился в отпуске в Острогожске³³.

В приемной главкома И.И. Вацетиса Носович 12 октября 1918 г. вновь встретился со Снесаревым. Последний тогда записал в дневнике: «Являюсь на вокзал, но Вацетис занят — у него Мехоношин, Носович. Я дожидаюсь в прихожей... Носович выскакивает нервно и обещает сегодня забежать... Он к[а]к-то ежится, словно его естественность предо мною куда-то отлетела...»³⁴. Дневниковое упоминание неискренности Носовича представляется крайне важным. Очевидно, в этот период он уже задумал предстоящий побег к бе-

грамме К.Е. Ворошилова и В.И. Межлаука Я.М. Свердлову и Л.Д. Троцкому от 6 ноября 1918 г. о необходимости принятия «экстренных мер по отношению к ближайшим соратникам Носовича, занимавшим совместно с ним видные посты: генералу Снесареву, освобожденному из-под ареста...» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 14. Л. 41). Распространенные в литературе упоминания об аресте Снесарева со штабом в Царицыне и их содержании на барже (Будаков В.В. Генерал Снесарев на полях войны и мира. М., 2014. С. 375; Дубинин Д.В. Военно-политическая деятельность И.В. Сталина в годы гражданской войны (1918–1920 гг.). Автореф. дисс... к.и.н. М., 2010. С. 20; Дудник В., Смирнов Д. Вся жизнь – науке // Военно-исторический журнал. 1965. № 2. С. 51; Морозов А.Я. Служил Отечеству: генерал А.Е. Снесарев. Воронеж, 2005. С. 149; Полякова В.А. Долг и судьба. Первый командующий Северо-Кавказским военным округом генерал А.Е. Снесарев. Волгоград, 2006. С. 76–77) не соответствуют действительности. Насколько можно судить по документам, Снесарев уехал из Царицына около 20 июля 1918 г. в Москву отнюдь не в качестве арестанта, а в августе 1918 г. находился в отпуске в Острогожске (РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 53. Л. 87).

³¹ ВДИС. Ф. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (7) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 2. Гл. 1. С. 65.

³² ВДИС. Ф. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (2) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов. С. 16.

³³ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 53. Л. 87, 178.

³⁴ Дневник А.Е. Снесарева. 1918 г. С. 865 // Архив семьи Снесаревых.

лым. В письме супруге от 10 ноября 1918 г. Снесарев вспомнил эту встречу еще раз: «Ковалевский вновь просится ко мне, упоминая в телеграмме о какой-то измене Анатолия Леонидовича... Неужели он бежал и не тем ли надо объяснять его конфузливость и какую-то растерянность во время нашей последней пятиминутной встречи. Я уверен, что он этого не сделал бы, а теперь, задетый незаслуженным арестом, пошел напролом. Ковалевский, по видимому, всем этим очень обескуражен, и я спешу вырвать его из тяжелой для него теперь обстановки»³⁵. О последней встрече со Снесаревым упомянул и Носович (в интерпретации Носовича — на вокзале в Козлове), отметивший, что «Снесарев был со мной довольно холодно безразличен, да и я не обращал, признаться, на него много внимания»³⁶.

Отношение Носовича к Снесареву колебалось от благодарности за недоносительство до крайнего неприятия за службу большевикам, в связи с чем белый агент не скупился на резкости. При этом Снесарева, пожалуй, единственного из служивших с Носовичем видных военспецов, не имевших отношения к подполью, нет в обширной галерее героев разоблачительных статей Носовича, печатавшихся им после перехода на сторону белых в журнале «Донская волна». Причины этого, очевидно, в личных взаимоотношениях генералов, в том, что публикация о Снесареве могла затронуть какие-то обстоятельства деятельности Носовича, которых он не хотел касаться.

В неопубликованных воспоминаниях Носовича наиболее подробны характеристики служащих штаба Северо-Кавказского военного округа, в особенности подпольщиков. Целиком положительная характеристика дана Носовичем своему ближайшему помощнику, начальнику мобилизационного управления бывшему полковнику А.Н. Ковалевскому, расстрелянному после побега Носовича к белым: «Начальником оперативного отделения у меня был Ген. штаба полковник Ковалевский. Его характеристикой должно быть выражение "рыцарь без страха и упрека". Положа руку на сердце, откровенно нужно сказать: если бы таких офицеров Генерального штаба было бы хоть несколько больше, Россия не была бы теперь С.С.С.Р.

³⁵ Архив семьи Снесаревых.

³⁶ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Вох 1. (1) (7) (3). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 3. Гл. 3. С. 110.

Мы были одного выпуска 1910 года³⁷, были всегда друзьями в академии, а проведя шесть долгих месяцев совместной службы среди большевиков на столь секретно-опасной работе, мы стали родными братьями в одном и том же деле спасения России. Его такту, уму, изворотливости и чутью в военном деле при столь сложной работе как активный саботаж под неослабным наблюдением и явном и неявном шпионстве³⁸ за нами, Добровольческая и особенно Донская армии обязаны многими своими успехами»³⁹. Отмечал Носович и то, что Ковалевский занимался дезинформацией советского командования⁴⁰.

Носович пишет: «Полковн[ик] Ковалевский знал о моем содействии контрреволюции (употребляю как общий термин) вообще, но об том, что я состоял в организации, не знал»⁴¹. Однако далее Носович отмечал, что открылся Ковалевскому.

Среди других военспецов, вовлеченных в работу подполья, — начальник артиллерийского управления бывший гвардейский конно-артиллерист полковник В.П. Чебышев и заведующий отделом личного состава административного управления капитан 2-го ранга П.Я. Лохматов⁴² (Носович отмечал, что тот был помощником Чебышева). По свидетельству Носовича, они погибли в связи с раскрытием подполья, однако это не так. В.П. Чебышев действительно был арестован в Москве 14 ноября 1918 г. По данным Главной военной прокуратуры, он был расстрелян 18 января 1919 г.⁴³, однако эти сведения опровергла дочь Чебышева, отметившая, что отца из тюрьмы в начале лета 1919 г. направили в Царицын, откуда от него семья получила единственное письмо⁴⁴. По мнению дочери, В.П. Чебышев был расстрелян в Царицыне. По другим данным, сумел бежать и объявился уже у белых, был произведен в генеральский чин, но летом 1919 г. погиб под все тем же Царицыным⁴⁵.

³⁷ Речь идет о выпуске из Императорской Николаевской военной академии.

³⁸ В документе несогласованно – шпионством.

³⁹ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (7) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 1. Гл. 7. С. 53.

⁴⁰ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (7) (2). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 2. Гл. 1. С. 65.

⁴¹ Там же. С. 14.

⁴² Шапошник В.Н. Указ. соч. С. 75.

⁴³ Чебышева К.В. Пять поколений представителей семьи Чебышевых. М., 1997. С. 40–41.

⁴⁴ Там же. С. 42.

⁴⁵ Волков С.В. Генералы и штаб-офицеры русской армии. Опыт мартиролога. М., 2012. Т. 2. С. 612.

Свидетельства Носовича косвенно подтверждаются случайными обрывочными данными, обнаруженными автором этих строк в фондах Российского государственного военного архива. Так, Носович в Москве весной 1918 г. жил на Большой Дорогомиловской улице, а владельцем квартиры значился Чебышев⁴⁶.

Таким образом, аресты военспецов в Царицыне в августе 1918 г. по инициативе И.В. Сталина были во многом обоснованными, поскольку арестованными оказались, в том числе и подпольщики. Ранее эти аресты использовались для обвинения Сталина в «баржевой политике» (арестованных содержали в плавучей тюрьме на барже) и в необоснованном терроризировании спецов и даже для поиска в этих арестах корней «Большого террора»⁴⁷.

А.Л. Носович писал о работе артиллерийского управления, сотрудники которого оказались под арестом, буквально следующее: «Перепутать грузы, заслать, плохо написать адрес, устроить волокиту с выпиской, задержать формалистикой выдачу, вся таковая опаснейшая работа выполнялась беспрекословно. Но не обошлось и без предателя — чиновника Чернолуцкого, который и донес об этом Сталину. К счастью, бумажная сторона дела была в хорошем порядке, и присутствие [Высшей военной] инспекции оттянуло скорую расправу со всеми поголовно, но об участии их я сейчас известий не имею. До начала октября, несмотря на все мои хлопоты, весь состав, за исключением случайно уехавшего в Москву нач[альника] управления Чебышева, продолжал сидеть на барже, а несколько было расстреляно^{48,49}».

В подпольную работу были вовлечены адъютант Носовича подпоручик Л.С. Садковский и секретарь поручик С.М. Кремков. Они попали к Носовичу через родственника Чебышева, будучи рекомендованными как надежные лю-

⁴⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 11об.

⁴⁷ См., напр.: Дубинин Д.В. Военно-политическая деятельность И.В. Сталина в годы гражданской войны (1918–1920 гг.). Автореф. дисс.... к.и.н. М., 2010. С. 11–12; Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя: биография. М., 2015. С. 90; Argenbright R. Red Tsaritsyn: Precursor of Stalinist Terror // Revolutionary Russia. 1991. Vol. 4. № 2. P. 157–183.

⁴⁸ Кроме того, для нашей организации офицеров был устроен склад в 1000 винтовок, 10 пулеметов с достаточным количеством патронов при надежном стороже и смотрителе из бывших офицеров. Вывеска склада, конечно, была вымышленная. Что-то вроде подвижного неприкосновенного запаса. Подробности лежали на начальнике управления (прим. мемуариста).

⁴⁹ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (2) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов. С. 15.

ди. Садковский сумел бежать к белым, потом попал в плен к красным, избрал церковную стезю и стал епископом, умер в 1948 г. в Псково-Печерском монастыре. Кремков остался у красных, был награжден орденом Красного знамени, сделал карьеру, позднее был начальником штаба корпуса, арестован по делу «Весна», несколько лет провел в лагерях, застрелился в 1935 г. Белый подпольщик многие годы был влюблен в знаменитую революционерку Л.М. Рейснер.

Планируя переход на сторону казаков, Носович организовал бегство своей жены, которую при содействии бывшего капитана гвардии А.Н. Курвоазье удалось через Воронеж отправить на Украину. Эти факты подтверждаются в других источниках. Капитан Курвоазье действительно служил в 1918 г. в РККА, а позднее бежал к белым⁵⁰. По свидетельству Носовича, в Воронеже у Курвоазье существовала офицерская организация численностью более 1000 человек.

В Высшей военной инспекции, спасшей Носовича и Ковалевского из-под ареста в августе, также служили белые подпольщики. Не называя имен, белый разведчик отмечал, что подпольщикам помогали двое сотрудников инспекции. Впрочем, в другом свидетельстве Носович все же раскрыл имена. Речь шла о заместителе председателя военной секции инспекции бывшем полковнике 1-й гвардейской артиллерийской бригады В.А. Миллере и о капитане Калисском (Каллиском). В.А. Миллер действительно известен как член военной организации «Национального центра», расстрелянный в 1919 г. большевиками в Москве⁵¹. Калисский же действительно значился среди сотрудников инспекции, расследовавших дело Носовича⁵².

Носович свидетельствовал: «Миллер и Каллиский встают и обращаются ко мне со следующими словами: — "Ваше Превосходительство, мы знаем, что вы коренной улан Его Величества, а потому не можете и не должны быть большевиком. В нашем обращении мы полагаемся на вас и даем честное слово, что вы можете без всякого риска сделать то же самое. Мы принадлежим к московской организации Добровольческой армии. Мы имеем определенные

⁵⁰ Волков С.В. Генералы и штаб-офицеры русской армии. Опыт мартиролога. М., 2012. Т. 1. С. 663.

⁵¹ Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 2. С. 409–411, 443–468, 502–514; Волков С.В. Офицеры российской артиллерии: опыт мартиролога. М., 2011. С. 442.

⁵² РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1278. Л. 29.

сведения, что она в настоящий момент подверглась полному разгрому. Наша задача искать всевозможные противобольшевитские организации, входить с ними в ближайшие сношения, помогать им всеми средствами и соединять их в одно целое. При том, что мы ревизуем⁵³ военные учреждения, нам более, чем кому-либо, легко проводить в жизнь эти задачи. Нам необходимо знать, насколько вы и ваш штаб контрреволюционны, какая имеется у вас организация и какие ваши планы на будущее. Кроме того, нам известны все ваши затруднения со Сталиным и вы в каждом случае можете рассчитывать на наше полное содействие..."

Что я мог ответить на это обращение, и что мне оставалось делать... Выбор был только один — поверить. Я это сделал и не ошибся. Лишь благодаря моему риску довериться я остался жив и принес еще немалую пользу белому движению»⁵⁴.

В инспекции работал и еще один белый подпольщик. В краткой редакции воспоминаний Носович отметил, что его фамилию укажет в будущем, однако в расширенной редакции написал, что речь шла о подъесауле П.В. Куликове — семиреченском казаке и слушателе ускоренных курсов Военной академии, «который тоже связан с Миллером и Калиским»⁵⁵. Стоит отметить, что такой офицер действительно значился среди слушателей курсов и всю Гражданскую войну прослужил в РККА⁵⁶.

Упоминались Носовичем и другие «академики». Помимо штаба округа и подпольщиков Носович соприкасался с фронтовыми командирами. Среди них немало исторических личностей. Например, Носовичу запомнился отчетливый военспец А.С. Ролько, выпускник ускоренных курсов Военной академии, обращавшийся к нему по-старорежимному, но при этом ненавидевший казаков. Общая оценка Ролько скорее негативная как человека, который «был и вашим и нашим» — ненавидел большевиков, но служил им из желания играть роль⁵⁷.

⁵³ В документе несогласованно – ревизуя.

⁵⁴ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (7) (2). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 2. Гл. 5. С. 78.

⁵⁵ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843 (1) (9). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов. С. 24.

⁵⁶ Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 258.

⁵⁷ Черноморцев А. Миронов, Киквидзе и Захаревич // Донская волна. 1919. № 12 (40). 17.03. С. 8.

Упоминал Носович и других выпускников ускоренных курсов академии, например, соратника И.И. Вацетиса П.М. Майгура.

О пассивном сопротивлении военспецов и о том, какими иносказаниями порой были обставлены встречи единомышленников в Красной армии, свидетельствует нижеследующая зарисовка Носовича: «Во время моих переездов я попадаю на наблюдательный пункт батареи намного раньше моих соглядатаев. Командир батареи ведет частый огонь по уходящей лаве. Шрапнель очередей рвется на очень высоких разрывах, в шутку на артиллерийском языке называемых "журавлями". Такие разрывы почти, если не совсем, безвредны. У командира батареи, очевидно мобилизованного большевиками старого боевого офицера, лицо мрачно и более чем серьезно. Я ясно вижу, что он пытливо смотрит на меня, разглядывающего его "журавлей" в бинокль. Мысленно прикинув очень тонко взятый недолет шрапнелей, их высокие разрывы, я ясно увидел полную продуманность безвредности огня, которую старый, опытный артиллерист не мог делать иначе, как нарочно...

И вдруг неудержимое желание найти сообщника. Открыть и свою душу. Пожать честную руку рискующего собой русского офицера охватило меня с такой силой, что я, с улыбкой смотря прямо в глаза полковника, сказал: «А как, полковник, эти "журавли": на предмет отлета на юг?...» Мгновенно преобразилось лицо этого честного патриота, взятого в тиски интернационала и в данный момент не могущего сделать больше, но делающего так много и так сильно рискующего своей жизнью. «Спасибо вам, Ваше Превосходительство, Ваши слова облегчили мою совесть. Теперь я знаю, что я не один. Теперь я с легким сердцем буду надеяться встретиться с вами... Там за этими "журавлями"».

Пусть знают те, к кому это относится, что в большинстве случаев, не особо выдающаяся тактико-стратегия давала им победы, а эти беззаветно храбрые и бесстрашные русские люди вообще, которые, не имея возможности достичь своей заветной цели присоединения непосредственно к белым, лично или совместно с организациями, так или иначе, обеспечивали белым силам эти победы»⁵⁸.

И далее в мемуарах грустное наблюдение о том, что в РККА таких безвестных командиров батарей, пускавших безвредных для белых «журавлей»,

⁵⁸ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Box 1. (1) (7) (3). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 3. Гл. 2. С. 101–102.

становилось все меньше, пока они не исчезли вовсе: «Раньше всего начали служить за совесть штабы, где путать без настоящих помощников самое трудное и ответственное дело. К Сытиным пришли на помощь Каменевы⁵⁹, а потом железные тиски дисциплины, неослабной слезки, ужасающей системы провокации начали ставить и рядовых офицеров в такие условия, что переходы стали весьма трудны. А если к этому добавить боязнь будущих репрессий от своих же белых, то получился порочный круг, прочно держащий офицеров за красной чертой.

"Они⁶⁰ не поняли..." И "журавли" перестали перелетать»⁶¹.

Носович оставил яркие портретные зарисовки командующего Южным фронтом бывшего полковника В.М. Гиттиса (его Носович считал способным перейти к белым), командарма А.И. Егорова, начдива Р.Ф. Сиверса — бывшего прапорщика, командиров бригад — бывшего войскового старшины Ф.К. Миронова и бывшего подполковника Э.И. Захаревича.

Носовича интересовала личность командира красных казаков Ф.К. Миронова, которому он не отказывал и в позитивных чертах, дав характеристику как «идейному революционеру, политическому противнику Краснова, заботящемуся о ведении операции в духе гуманизма (из-за политических перспектив)»⁶². При этом Носович отмечал честолюбие Миронова, его конфликтные отношения с В.И. Киквидзе, на которых белый подпольщик играл в период своей борьбы. Впрочем, в развернутых воспоминаниях Носович именовал Миронова разбойником и красным атаманом-алкоголиком⁶³, а его бригада, по словам Носовича, не имела никакого боевого значения.

Другим «князьком» был командир бригады Р.Ф. Сиверс, которому тоже уделено немало страниц воспоминаний Носовича. По оценкам Носовича, этот военспец-большевик отличался невежеством в военной области, саботированием приказов и необычайным высокомерием.

⁵⁹ Речь идет о видных советских военспецах П.П. Сытине и С.С. Каменеве.

⁶⁰ Вероятно, речь о белом командовании.

⁶¹ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (7) (4). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 4. Ч. 4. Гл. 2. С. 8.

⁶² ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (2) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов. С. 11.

⁶³ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (7) (3). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 3. Гл. 1. С. 91.

Э.И. Захаревича Носович характеризовал как исполнительного и профессионального командира, но человека, готового служить любой власти. В.М. Гиттис и А.И. Егоров в неопубликованных воспоминаниях Носовича за период Гражданской войны не упоминаются, а встречаются только в статьях из «Донской волны». Гиттиса Носович знал по Первой мировой войне и высоко ценил. В Гражданскую войну лично они не сталкивались. Вместе с тем, Носович высказал предположение, что этот бывший офицер мог бы при случае поддержать белых⁶⁴. Егорова Носович характеризовал как приспешника революции, держащего нос по ветру⁶⁵.

Оставил Носович и портреты наиболее высокопоставленных военспецов — главкома И.И. Вацетиса, его будущего преемника на этом посту С.С. Каменева и командующего советским Южным фронтом П.П. Сытина. Будучи ярким националистом, Носович негативно высказывался о латышском происхождении Вацетиса. Приведенные же им биографические подробности соответствуют тому, что известно о деятельности советского главкома из других источников. В частности, Носович акцентировал внимание на пьянстве Вацетиса и его склонности к праздности и красивой жизни⁶⁶. Носович отмечал хитрость и настойчивость Вацетиса, но вместе с тем излишне критично отозвался о профессионализме главкома, которого считал ограниченным и невежественным в военном деле. Между тем, это было совершенно не так. При этом Носович сделал верные наблюдения о том, что Вацетис опирался на латышских стрелков и не собирался вступать в партию⁶⁷.

О Каменеве Носович писал в связи с нежеланием последнего участвовать в Гражданской войне и попыткой отказаться от назначения на Восточный фронт: «В приемной нас было только двое. Каменев не находил себе места. Его нервное напряжение казалось было у предела истерии. Каменев сыпал такого рода фразами: "Нет, скажите, что мне делать... Они мне предлагают в командование Восточный фронт... Поймите, я же не могу идти против белых патриотов... Я же не могу быть заодно с большевиками... Я не могу командо-

⁶⁴ Ч[ерноморце]в А. Гиттис // Донская волна. 1919. № 21 (49). 09.06. С. 7.

⁶⁵ Черноморцев А. Вожди красных // Донская волна. 1919. № 27 (55). 21.07. С. 13.

⁶⁶ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (7) (3). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 3. Гл. 3. С. 112.

⁶⁷ Черноморцев А. Вождь красных И.И. Вацетис // Донская волна. 1919. № 11 (39). 10.03. С. 7.

вать войсками против белых... Нет, я сойду с ума... Я уже сумасшедший..." Я начал его успокаивать как мог»⁶⁸. Это свидетельство подтверждается показаниями бывшего генерала А.А. Свечина по делу «Весна» и другими источниками, включая даже советскую авторизованную биографию самого Каменева⁶⁹. В статье из «Донской волны» А.Л. Носович высказал предположение, что С.С. Каменев может сочувствовать белым⁷⁰.

Весьма подробен портрет командующего советским Южным фронтом бывшего генерала П.П. Сытина. Носович знал его еще по Первой мировой и высоко оценивал в профессиональном отношении, отмечая, что подпольная работа при нем была чрезвычайно трудна: «Снова пришлось прийти к выводу, что продолжение деятельности в штабах, при наличии таких типов, как Сытин, скоро представится совершенно невозможным⁷¹. "Да и при таких типах, как Снесарев", — неожиданно для меня произнес Ковалевский»⁷². Эту фразу можно считать комплиментарной и для оценки профессионализма А.Е. Снесарева. Хотя, если Ковалевский не знал о подпольной работе Носовича, не совсем понятно, мог ли такой диалог иметь место на самом деле. При этом Носович резко отзывался о моральном облике Сытина, считая, что тот оказался в Красной армии из-за жалованья.

В статье из «Донской волны» Носович дал, пожалуй, справедливую оценку выбору Сытина в пользу красных: «Сам Сытин по убеждениям едва ли большевик, но стремление к первым ролям заставило его вступить на службу советам... Что мог получить Сытин в Добровольческой армии? Здесь много ярких военных дарований, и честолюбивому генералу было бы приготовлено

⁶⁸ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (7) (3). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 3. Гл. 3. С. 111.

⁶⁹ Подробнее см.: Ганин А.В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М., 2016. С. 103–104.

⁷⁰ Черноморцев А. Бывший генерал Каменев // Донская волна. 1919. № 32 (60). 10.11. С. 14. Возможно, именно о Каменеве шла речь в документах французской военной разведки, согласно которым французами осенью 1918 г. был завербован в Смоленске некий бывший полковник, отправлявшийся на Восточный фронт командовать Красной армией. Военспец получил назначение и заверил французов в том, что будет передавать им оперативные планы и оказывать любую другую помощь (Галкина Ю.М. К вопросу о французском следе в «деле Локкарта»: кто такой Анри Вертамон? // Клио. 2018. № 3. С. 182).

⁷¹ В документе несогласованно: невозможной.

⁷² ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (7) (3). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 3. Гл. 3. С. 110.

не то место, которое он для себя намечал. В рядах же врагов Добровольческой армии — он один из первых. Это кружит голову красному генералу, и один раз он даже бросил фразу: "Против меня Антон Деникин. Мы с ним одного корпуса⁷³ и одной академии. Посмотрим, чья возьмет. Не ожидал, что мне придется сражаться против него"»⁷⁴.

«Вся красная военная неразбериха, при помощи таких типов, как Сытин, медленно, но верно начинала приобретать определенные формы какого ни на есть порядка», — отмечал Носович⁷⁵. В другом месте он пишет: «Несколько продажных душ из корпорации офицеров Генерального штаба с генералом Бонч-Бруевичем во главе начали серьезную разработку организации сил и операций против белых армий... На востоке Каменев, на юге Сытин готовили сильные удары. Назревали грозные события...»⁷⁶

Менялась и вся Красная армия, что Носович мог наблюдать во время инспекционных поездок осенью 1918 г. Он вспоминал: «Наши инспекционные поездки были очень полезны для меня, они мне показали все военные возможности, которыми обладали большевики, а также ту систему, с которой они настойчиво и неуклонно шли к своей цели. К глубокому сожалению, мои сведения не были использованы, а последние остатки нашей организации погибли без всякой пользы.

Первой была осмотрена 2-я Нижегородская дивизия, которая произвела совсем приличное впечатление. Мучительно сжалось сердце, когда я видел русских офицеров, салютующих шашками, проходя церемониальным маршем перед сбродом, не имеющим никакого права над русским воинством. Все существо страдало от сознания, что эти насильно мобилизованные русские офицеры и солдаты призваны жидо-интернациональной шайкой сражаться против русских патриотов, кладущих жизнь свою за идею Великой России»⁷⁷.

⁷³ На самом деле А.И. Деникин и П.П. Сытин вместе учились в Киевском пехотном юнкерском училище и в Николаевской академии Генерального штаба.

⁷⁴ Черноморцев А. Подвойский, Сытин и другие // Донская волна. 1919. № 8 (36). 17.02. С. 10.

⁷⁵ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (7) (3). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 3. Гл. 2. С. 97–98.

⁷⁶ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (7) (3). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 3. Гл. 4. С. 115.

⁷⁷ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (7) (3). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 3. Гл. 3. С. 113.

Воспоминания А.Л. Носовича — это сложный, но чрезвычайно важный исторический источник, освещающий малоизученный период становления Красной армии и деятельности А. Е. Снесарева. Написаны они подлинным ненавистником большевиков, что является одним из аргументов в пользу достоверности приведенных данных о его подпольной борьбе. Несмотря на определенный налет субъективизма и неточности в некоторых деталях, эти воспоминания при критическом к ним подходе и проверке фактической достоверности дают представление о командном составе Красной армии и о тех типах военспецов, которые в ней служили.

Носович нарисовал обширную портретную галерею военных специалистов РККА от рядовых спецов до главнокомандующего Вацетиса и командующего фронтом Сытина. Среди запечатленных им лиц и лояльные большевикам военспецы, и деятели белого подполья. Будучи представителем вторых, белый разведчик пытался понять мотивы первых и причины, по которым они пошли на службу большевикам. Несмотря на неприязнь к этим людям, воспринимавшимся Носовичем как предатели, он в ряде случаев оставил довольно точные их характеристики. Впрочем, в некоторых случаях перебежчик явно попадал впросак — например, назвав бывшего штабс-капитана Г.Д. Гая — женщиной⁷⁸.

В различных версиях мемуаров оценки военспецов отличаются по своей тональности. В публикациях на страницах «Донской волны» красной нитью прослеживается дегуманизация врага. Там в большей степени, чем в неопубликованных воспоминаниях, советские военачальники показаны (вероятно, в пропагандистских целях) людьми беспринципными и аморальными, страдающими психическими расстройствами, пьяницами. Поэтому намного важнее обратиться к неопубликованным воспоминаниям, где пропагандистский налет отсутствует, и автор предстает наедине со своими взглядами и мыслями. Однако как в неопубликованных, так и в опубликованных работах Носовича о бывших офицерах в РККА прослеживается общая тревога в связи с тем, что в Красной армии проявляется все больше черт, присущих старой армии. Наряду с карьеристами и забитыми, всего боящимися людьми, Носович отмечал в РККА и тот тип военспеца, который представлял собой безыдейного военного профессионала, готового служить любому режиму. Белый разведчик не мог

⁷⁸ Черноморцев А. Вожди красных // Донская волна. 1919. № 27 (55). 21.07. С. 15.

не видеть, как, несмотря на саботаж и активную работу белого подполья, Красная армия постепенно укреплялась и организовывалась, как те же военные специалисты начинали массово и добросовестно в ней служить (Носович объяснял это исключительно репрессиями и разочарованием в отношении со стороны белых). Вместе с тем Носович наивно верил, что с установлением в Красной армии твердого порядка она сможет выступить против большевиков.